

МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-4-193-203

Л.И. Гайнетдинова¹

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М.К. Акмуллы*

ГЕНДЕРНАЯ ИНТЕНЦИЯ В РОМАНЕ Г.Ш. ЯХИНОЙ «ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД»

В статье рассматривается гендерная проблематика романа «Эшелон на Самарканд» Г.Ш. Яхиной в контексте ее творчества в целом, анализируются и интерпретируются проявления гендерной перверсии, противоречия мужского/женского в характерах взрослых и детей, предопределенные противоречиями во взаимоотношениях героев и героинь.

Ключевые слова: Гузель Яхина, роман «Эшелон на Самарканд», гендерные аспекты, система персонажей, метаморфозы мужского/женского

L.I. Gainetdinova

Bashkir State Pedagogical University named after M.K. Akmullah

GENDER INTENTION IN THE NOVEL BY G. SH. YAKHINA "ECHELON TO SAMARKAND"

The article examines the gender issues of the novel "Echelon to Samarkand" by G.Sh. Yakhina in the context of her entire work, analyzes and interprets the manifestations of gender perversion, male/female contradictions in the characters of adults and children, predetermined by contradictions in the relationships of heroes and heroines.

Keywords: Guzel Yakhina, novel "Echelon to Samarkand", gender aspects, character system, male/female metamorphoses

Гендерные понятия «мужское» и «женское», обусловленные биологическим полом человека, различаются в культуре с древнейших времен. В античной мифологии «мужское» начало трактовалось как организованное, упорядоченное и контролируемое разумом. С ним связано идеальное представление об активности, ответственности, справедливости, власти и т.д. «Женское» начало традиционно ассоциируется с пассивностью, материнством, милосердием и т.п. Такое архетипическое понимание мужских и женских качеств характерно как для философов, так и для массового сознания, находя отражение в литературе и языке.

В них отражается одна из наиболее значимых биологических, экзистенциальных и социальных характеристик личности человека, обусловленная его половой принадлежностью, которая определяет природную роль индивидуума

¹ Луиза Ильшатовна Гайнетдинова – аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, luiza.imc@mail.ru.

в социуме. На процесс ее формирования влияет как врожденная биологическая основа личности, так и условия социума, в которых человек существует. Отсюда – проблемы гендерной нетождественности: «маскулинный» или «феминный» тип поведения личности не всегда идентичен с полом. В искусстве эта особенность приобретает метафорическое и ценностное значение, что в свою очередь обусловлено нетождественностью понятий «пол» и «гендер»: «Если пол осмысляется в категориях «мужчина» и «женщина, то гендер – в терминах «мужественность» (мужское начало) и «женственность» (женское начало)» [Рябов, 1997, с. 6].

Во многом гендерные особенности мужских и женских образов в литературе и искусстве предопределены исторической традицией: изначальным общественным доминированием представителей мужского пола, демонстрирующих государственную власть и мощь [Омельченко, 2008, с. 20]. С появлением феминистских движений в Европе и России второй половины XIX века на гендерное, исконно «маскулинное» пространство стали покушаться женщины, демонстрируя «мужской» тип поведения, что также нашло отражение в целом ряде литературных произведений Нового времени. Как отмечает А.С. Опарина: «Сами понятия “мужественный” и “женственный” получили категориальный статус и используются для описания мужчин и женщин» [Опарина, 2011, с. 29].

На формирование гендерных теорий в России оказали влияние труды известного американского психолога Эрика Хомбургера Эриксона (1902–1994) – основоположника теории стадий психосоциального развития, а также теории личностной идентичности. Ученый ввел в научный обиход термин «кризис идентичности», выдвинул концепцию половой идентичности, соответствующую мужскому и женскому принципу биологического устройства человеческого тела. Мужчины характеризуются восприятием пространства как внешнего по отношению к себе. Специфика женского пола связана с переживанием некоего «внутреннего пространства». Среди признаков феминности называются открытость, стремление к сотрудничеству, способность к состраданию. Маскулинные качества включают в себя логичность, рациональность, объективность, действенность, ответственность, независимость, смелость.

Среди гендерных стереотипов в социально-культурном плане, во-первых, выделяется прямое противопоставление маскулинности и феминности; соответственно, во-вторых, распределяются семейные и профессиональные роли мужчин и женщин; в-третьих, гендерный стереотип определяется спецификой трудовой деятельности, которая в современном мире уже стирается [Клецина, 2005]. В целом можно сказать, что гендерная проблематика во многом определяет стратегию и тактику литературоведческой и языковой интерпретации художественного текста. В центре внимания гендерных исследований в современном литературоведении стоит вопрос о социальных стереотипах: «Гендерное литературоведение направлено на изучение социальных и культурных конфигураций «женского» и «мужского» [Гречушникова, <http://university.nversu.ru/person.cgi?personid=564>]. Литературоведение в своем гендерном аспекте преимущественно останавлива-

ется на констатации существующей в произведении оппозиции «мужчина / женщина», что ярко иллюстрируется, к примеру, жанром «женского романа», в котором герой и героиня по признакам маскулинности и феминности чаще всего противопоставлены.

Гендерный аспект присущ и романам Гузель Яхиной. В каждом из трех романов, написанных Г. Яхиной, главными персонажами являются мужчина и женщина, которые в отдельных эпизодах меняются гендерными ролями, пусть и на недолгое время. В романе «Зулейха открывает глаза» главная героиня в первой части – безмолвная жена, не имеющая никаких прав, как это было принято во многих татарских патриархальных семьях. Она терпеливо сносила побои мужа и издевательства свекрови, в ней не было по сути ничего женского – близость с мужем доставляла ей муки, счастья материнства она была лишена. Это забитое существо, живущее в доме Муртазы, который был намного старше жены, и его матери Упырихи, недовольной тем, что главную женскую функцию Зулейха выполнить не может – она рожала только девочек, которые умерли в младенчестве. От дочерей остались только могилы и имена – умершие дочери стали для Зулейхи сказочными птицами. Смирившись со своей несостоятельностью, Зулейха не осознавала себя женщиной.

В третьей части романа женское начало в Зулейхе просыпается в материнстве, в безмерной любви к сыну, в котором заключается весь смысл её существования. Материнская любовь заставила её из бывшей «мокрой курицы» (как называла её свекровь) превратиться в профессиональную охотницу, взять на себя мужскую функцию добытчика. Не Игнатов, а она убила медведя, хотя он долго планировал эту добычу. Так Зулейха отобрала у Игнатова мужскую роль. Теперь она могла прокормить не только сына, но и остальных поселенцев Семрука.

В результате слабая Зулейха, привыкшая подчиняться мужу, свекрови, начальнику эшелона, а потом – лагеря, становится смелой девой-охотницей. Но после того как с её сыном Юсуфом случилась беда в тайге, она подавляет в себе чувство любви к Игнатову, перечеркивает едва проснувшееся женское начало. Прежде всего, она остается только матерью, не утрачивая однако приобретенные черты мужественности.

Во втором романе Г. Яхиной функцию материнства берет на себя мужчина, Якоб Бах. Неслучайно роман называется «Дети мои». Первые встречи Якоба Баха с Кларой были встречами учителя с ученицей, но довольно быстро эти отношения переросли в любовь. После смерти возлюбленной Якоб Бах оставляет у себя маленькую Анче, дочь Клары, только потому, что она была внешне похожа на мать. Чувство любви мужчины к женщине, перенесенное на её дочь, постепенно трансформируется в чувство любви к ребенку. Отцовская любовь Якоба Баха сродни материнской любви. Но при появлении Васьки, ставшего другом Анче, в душе Баха вспыхивает отцовская ревность: «Борьба, что началась с первого появления мальчика на хуторе, с новой силой продолжилась теперь, после его возвращения. Борьба, которая растянется на годы и исход которой был predetermined: старший

обречен проиграть, а младший – выиграть. Борьба за Анче» [Яхина, 2018, с. 387]. Наконец, Якоб Бах смирился с присутствием Васьки в жизни Анче. Принял его в семью, а когда дети нашли на дне сундука Тильды ее старый полосатый передник, «Бах начал надевать этот передник на кухне и в огороде, нимало не смущаясь его женской принадлежностью» [Там же, с. 400]. Если поначалу в его чувстве к Анче еще отражалась любовь к Кларе, матери девочки, то затем мужская любовь к ней окончательно вытеснилась отцовским чувством, ничем не отличающимся от материнского. Когда же Анче и Васька уходят от него, Бах остро переживает потерю детей: «...Что оставалось ему теперь? Только любить своих детей. Этих странных и чужих детей, которых он почему-то возомнил своими...» [Там же, с. 432].

Наконец, в третьем романе Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд», вышедшем из печати в апреле 2021 года, гендерная перверсия в образах героев и героинь становится еще очевиднее. В изображении экстремальных социальных обстоятельств – спасения голодающих детей-сирот, которых вывозят из Казани, проблема гендерности отчетливо обозначается во взаимоотношениях взрослых и детей. Она проявляется в сцене знакомства двух центральных персонажей – детского комиссара Белой и начальника поезда, недавнего фронтовика Деева. История их сближения-отталкивания – один из сюжетных лейтмотивов романа. Отношения героев представлены в гендерном аспекте, что позволяет увидеть кризис половой идентификации личности каждого из них.

Маскулинность Деева реализуется не только в интимных отношениях с Белой, но и в социальной сфере – к финалу он становится «настоящим мужчиной», обретая большую уверенность в себе и расширяя свое жизненное пространство. Тип женской личности, показанный в лице комиссара Белой, знаком по произведениям советской литературы о революции и гражданской войне. Это женская версия «комиссаров в кожаных тужурках»: Ольги Зотовой в повести А.Н. Толстого «Гадюка», комиссара в пьесе Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия» и др.

Формирование таких женщин в гендерном отношении совпало с периодом социальных катастроф, что определило кризис идентификации пола, а также отступления от гендерных стереотипов. Наравне с мужчинами они сражались на фронте, видели насилие, после войны работали вместе с мужчинами. Необходимыми качествами женщин стали именно маскулинные черты, которые позволяли выжить и выполнять новые обязанности. Так появился человек со стертыми феминными чертами или, условно говоря, «смешанный гендерный тип», в котором сочетаются черты феминности и маскулинности.

В произведениях советской литературы черты маскулинности стали психологическими доминантами женского характера, затрудняющими возвращение к феминности. Героини красивы, но их трудно назвать женщинами, они слишком холодны и строги, чтобы осмелиться их полюбить. Трагедия красавицы Ольги Зотовой, героини гражданской войны не случайна – ее избранник предпочел хорошенькую розовую «куклу» Лялечку живой и противоречивой по характеру «новой» женщине.

В романе Гузель Яхиной «Эшелон идет на Самарканд» также изображена эпоха революции и гражданской войны, когда возникли новые гендерные типы людей, исчезло традиционное разделение на два пола с присущими каждому из них социально-психологическими чертами и доминирующими гендерными стереотипами. Здесь героиня прячет мужскую неуверенность в себе за грубостью, а героиня намеренно заостряет свою жесткость и мужские черты, что выражено в ее языке. С беспризорниками Белая разговаривает на их жаргоне, используя ненормативную лексику и блатной сленг – лучше поймут. А с мужчиной-начальником она груба и бескомпромиссна. Для нее он – товарищ по борьбе, соратник. Война застала ее в монастыре, но от религии она отходит сразу. Тем не менее устремленность к идеальному (имеется в виду исполнение своих обязанностей, долга) остается у нее на подсознательном уровне. Отношения с противоположным полом ее не привлекают. Без эмоций она участвует в немногочисленных любовных романах, стараясь быстрее расстаться с партнером. У нее нет детей, она не знает нежности к слабым и беззащитным, но у нее есть чувство долга, и свои обязанности по отношению к чужим детям она выполняет неукоснительно и жестко. Находясь на службе, в мужчине она видит равноправного с собой сотрудника и требует от него аналогичного выполнения обязанностей.

Исследование образов персонажей в гендерном аспекте как носителей «мужественности» и «женственности» предполагает изучение их поведения, поступков. В одинаковых ситуациях носители маскулинности и феминности ведут себя по-разному. При этом можно наблюдать переакцентировку их поведенческих реакций. Если мужчина (Деев) в первой сцене знакомства с комиссаром Белой моет пол, чтобы обеспечить детям «гигиенические условия» (феминный тип поведения), то женщина требует от него соответствия маскулинному типу – он должен добиваться отправки эшелона, обеспечить детей пропитанием. Вечером они будут мыть пол вместе, и она, совершенно не стесняясь, снимает одежду, чтобы было удобнее работать, вводя в смятение Деева, который на обнаженную женщину равнодушно смотреть не может. Он на нее не просто смотрит, а разглядывает, исходя из собственных гендерных представлений и желаний.

Гендерные отношения предполагают постоянное соперничество и сравнение себя с представителем как своего, так и противоположного пола. При этом обязательно о себе заявит само «тело». Так, например, обе женщины: и Белая (маскулинного типа), и Фатима (воплощение феминности) смотрят на обнаженного Деева, не отрывая глаз. Ночное сближение Деева с Белой начинается со сцены, когда он видит обнаженную купающуюся женщину. И в первой сцене знакомства взгляд Деева тоже «мужской» – прежде всего он видит телесный «низ», а уже потом – лицо женщины. Причем ее одежда тоже отличается «смешанной» маскулинностью и феминностью. Она в «тупорылых» мужских ботинках, но в юбке, чулках: «поднял глаза выше – икры тонкие, не в солдатских обмотках, в нежной чулочной шерсти. Еще выше глаза поднимает: юбка черная, узкая, а под сукном юбочным острые колени. Ноги имела по-девичьи тонкие, а фигуру – лег-

кую, еле различимую под широкими складками бушлата, прихваченного в талии ремнем» [Яхина, 2021, с. 7].

Деев еле попевал за «стремительным ходом ее квадратных башмаков, но «думал о ее ногах – должны скрывать маленькие и узкие ступни». По-мужски он оценивает ее тело как «классическое». Она «высока, стройна, бела. И умом, и всем взяла». Но «всем ли»? Деев так и не осмеливается сказать о своей любви к Белой. Причина – в ее притязаниях на мужскую «гендерную роль» и на «маскулинную территорию». Не Деев «стимулирует» проявления ее женской природы, а она сама. Подсознательно такого не может простить ни один мужчина. Иными словами, Белая демонстрирует больше «маскулинных», чем женских качеств. Она первая идет на близость, так как ей наскучили нерешительность и ночные вздохи Деева, спящего за перегородкой. Догадываясь о его неопытности, произносит: «Я помогу».

Доминирующие гендерные черты в героях замечают дети. О Белой они говорят: «Белая – баба спелая, только больно ж очумелая», о Дееве: «Деев – Елдеев», «Деев – Мандеев». Однако маскулинность Деева к моменту знакомства с Белой по-настоящему еще не сформирована и не проявлена в области пола, хотя заявлена в социальной сфере: он хорошо воевал, как положено мужчине, изобретателен в решении многочисленных проблем, связанных с перевозкой детей. Но поскольку его биологическая маскулинность еще несколько «зажата», он имитирует ее грубостью, скрывающей кризис идентификации и связанную с этим неуверенность: «Ты кто? Перед женщинами Деев робел и потому называл их исключительно на «ты», в себя держал с вызовом». Он смахнул семечки со лба, не спеша пригладил чубчик, небрежно кинул тряпку в ведро, (забрызгав ей ботинки)» [Там же, с. 7].

Однако по мере движения эшелона развиваются те маскулинные качества в Дееве, которыми не наделены ни Белая, ни другие члены его команды. Он становится способен к решительному поступку, действует жестко и бескомпромиссно, начинает выполнять доминирующую маскулинную роль в социальном пространстве, хотя почти женское, материнское сострадание и жалость к детям продолжают жечь его сердце.

Как можно понять, маскулинность Деева не прошла главной проверки – отношений с женщиной. Белая же не испытывает к нему никаких, тем более романтических, чувств, но помогает ему сыграть «мужскую» роль. После состоявшейся близости с ним в Белой сохраняется все та же резкость и бескомпромиссность, но проявляются и иные качества. Она, как женщина, начинает заботиться о Дееве, чего не могло быть раньше. Белая замечает, что Деев плохо ест и плохо выглядит, читает ему мораль о недопустимости такого поведения для дела. Сама начинает следить за его внешним обликом, даже каждый день бреет.

Этот акт приобретает особый смысл, но Дееву хочется большего. Стесняясь, как целомудренная женщина, он пытается привлечь внимание Белой к себе. Между героями начинается напряженный любовный поединок. Сначала Деев

молча томится на своей территории, не умея выразить свои чувства. Белая понимает его без слов, но с ее стороны это реакция рассудка, а не чувств и «тела». В сцене их общения есть подтекст (выделен курсивом).

– «Побрей меня» (герой хочет, чтобы она коснулась его тела).

– Брила ж с утра (она не хочет близости).

– Еще раз побрей... (мужчина настаивает на своих правах).

Она переходит в его купе. Отдает по своей привычке «мужское» распоряжение – приказ:

– Рассказывайте немедленно... что произошло?

– А не расскажете, так я и сама сейчас...

И тогда Деев решается на мужской поступок, без слов заставляя заговорить ее тело: «Деев берет в руки строгое комиссарское лицо, что нависло над ним угрожающе, и целует в губы. Поцелуй длится и длится. Длится и длится» [Там же, с.156]. Оба теряют ощущение времени, не замечая, что поезд остановился на станции. Начинается проверка – ищут посторонних. Это беспризорники, которых Деев оставил, чтобы вывезти вместе с другими детьми. Белая в эту авантюру не посвящена. Знают девочки – в их вагоне беспризорники спрятаны. Чтобы спасти их, они, не стовариваясь, начинают рыдать, якобы испугавшись чужих людей с оружием: «Не надо потому что наганами и штыками перед детьми брякать», – поясняет Деев, – «и все уже рыдают: все сто ртов дрожат губами и орут в голос». Естественная «феминность» девочек – сострадание и открытость эмоций – становится мощным «оружием» и спасает детей. Досмотр быстро завершается, дозор покидает вагон.

Белая, которая сразу обнаруживает беспризорных и требует их сдать на станции, действует, по своему обыкновению по «маскулинному образцу». Но и Деев держится по-мужски: догоняет ее, втаскивает в купе, не дает уйти и двинуться. Опять говорит «тело»: сцена показана как борьба двух тел. В этом гендерном поединке и в социальном, и в телесно-чувственном плане побеждает Деев, как бы напоминая о главенстве воли мужчины как начальника эшелона и любовника: «Тело сопротивлялось и билось в его объятиях, устремлялось прочь, а он прижимал его к себе и затаскивал в купе. «Я все равно доложу о случившемся, – сказала Белая. – Со следующей станции. Он развернул женщину к себе и впервые обнял по-настоящему» [Там же, с. 159].

В свете расцветшего чувства Дееву кажется, что можно исправить и улучшить мир, в котором уже пролито много крови, не будут больше умирать дети. Но в тот же день в поезде начинается эпидемия холеры, умирают сорок человек детей. И мужская «победа» Деева над Белой тоже не полная и не окончательная. Позже между ними состоится разговор о любви. На свой, «феминный», вопрос: «Из жалости ты со мной?» – Деев получает убийственный ответ «маскулинного» характера: «По расчету. Мне нужно, чтобы вы до Туркестана вагон довели. Чем могу, тем и помогаю». Уж лучше бы молчала! – думает Деев» [Там же, с.179]. В

трудном споре с Белой о том, можно ли подбирать по дороге беспризорных детей, «замещаая» умерших, Деев занимает позицию «феминную» – «буду брать каждого, кого встречу». Белая, мысля «политически», стоит на маскулинной позиции: даже если удастся довести половину детей, они через двадцать лет родят население целой страны. Теоретически она права, но Деев поступает по-своему.

Ставя проблему необратимой переделки людей в горниле революции и гражданской войны, в том числе и в гендерном плане, Г. Яхина дает и другой ответ, связанный с образом Фатимы, потерявшей ребенка. Она олицетворяет собой чисто феминный тип героини, являясь воплощением «вечной женственности», любви, материнства. Она любит каждого ребенка и обожаема всеми детьми. Для малышек она источник неусыпной любви, заботы. Ее материнская суть притягивает не только детей. К ней устремлены и чувства мужчин, таких, как старик Бут, или молодой Деев, которому, после взрывных и ранивших отношений с Белой, часто хочется «выбежать из купе, найти Фатиму, броситься перед ней на колени, обнять руками, утопить лицо в мягком женском теле» [Там же, с.149]. Когда Деев, погибая в пустыне от голода и жажды, не может идти дальше, в полубреду он видит не Белую, а именно Фатиму: «Только она и умеет – ходить по земле бесшумно, как по воздуху. И успокаивать любым касанием, без слов. Она все делает молча, только улыбается и ласкает. Как я устал, Фатима! Не помню, отчего. А тебя помню. Утешь! Она смотрит на него с нежностью. И столько тепла в ее глазах, что тепло это перетекает в Деева» [Там же, с.198]. Он находит в себе силы встать и идти дальше, чтобы спасти себя и детей.

Важно отметить, что в скученности вагонной жизни, когда ехать надо было далеко и долго, проблема половой идентификации каждого путника обозначается особенно резко. Дети в поезде, в возрасте от двух до двенадцати – жертвы событий, затеянных взрослыми людьми. Это сироты, беспризорники, беженцы, воры. Благополучных и «нормальных» детей среди них нет. Одна из них – беременная тринадцатилетняя девочка Тируся, другая – Зозуля, вокзальная проститутка десяти лет. Спасение от голодной смерти не гарантирует им полноценной человеческой жизни. Их приходится заново учить жить. На примере этих детей автор показывает, что гендерный аспект присущ не только отношениям взрослых. Все непристойные прозвища и клички, которые дети дают друг другу, имеют соответствующий подтекст, в них фигурируют маркеры половой принадлежности: «Фока Щекотун» или «зеленоглазый и веснучатый Фаллос». Не уступают мальчикам и прозвища девочек – «впору бордель открывать». Они «дорожили старыми кличками и заключенной в них женской сутью больше, чем красотой» [Там же, с.117].

Детская половая идентификация также выражается в четком разграничении «женского» и «мужского». Мальчики хотят вырасти мужчинами, хотя сейчас они «кривоногие, с голыми детскими подмышками и срамными местами» [Там же, с.117]. В детской «брачной игре» каждый исполняет роль мужчины или женщины. Находясь в замкнутом пространстве, лишённые социальных и семейных контактов, дети начинают «вить гнездо». Так разворачивается «брачная эпидемия». Побывав в «аду», узнав и увидев весь ужас жизни, дети, тем не менее, следуют правильному

и классическому образцу: имитируя сватовство, предложение руки и сердца, жизнь в хорошей и правильной семье. «Помпадур» «женится» на Зозуле, которая говорит «вокзальная я», даже предлагая себя в пути Дееву, ошибаясь в его намерениях. Но ее «жениху» неважно то, что было с ней раньше. Теперь все будет иначе. В течение всего пути они неразлучны. «Совместную жизнь вели тихую – смотрели в окно, шептались, лежали рядышком. Ладони их были непременно сцеплены. Во всем же остальном «брак» этот оказался совершенно целомудренным, к полному успокоению сестер и комиссара» [Там же, с. 122].

Половая роль формируется еще в раннем детстве. Дети, даже с ранним сексуальным опытом, стремятся к правильным отношениям. Они берут самое главное в модели брака как социальной формы гендерных отношений: быть вместе, заботиться друг о друге, поэтому делятся своим жалким пайком. Так, гендерная роль формируется в союзе с другим человеком. В этом – не только осознание половой идентичности, но и спасение от экзистенциального одиночества как осиротевших детей, так и переживающих кризис идентичности взрослых, в частности, Деева, который, наконец, осознал свою мужественность и почувствовал, что его тянет к истинной женственности, а не к смешанному маскулинно-феминному типу, проявления которого он отчасти ощущал и в самом себе.

Таким образом, в ходе страшной и мучительной поездки герои, в первую очередь, Деев и комиссар Белая, смогли приблизиться к обретению половой идентичности. Деев, при всей своей почти женской отзывчивости и милосердии, обретает уверенность в себе как мужчина, что сказывается на других его качествах, придавая личности более «маскулинные» черты характера. Только Фатима каким-то чудом избежала кризиса идентичности, хотя пережила не менее страшное испытание, смерть сына Искандарчика. Для всех страдающих она становится прохладным оазисом в пустыне одиночества и безысходности. Оставшиеся в живых дети, как твердо надеется автор, смогут залечить страшные раны, займут правильное положение в гендерном пространстве жизни.

В конечном счете, можно констатировать важность гендерного аспекта в произведениях Г. Яхиной. В каждом из трех романов, написанных Г. Яхиной, главными персонажами являются мужчина и женщина, которые на время меняются гендерными ролями, тем не менее укрепляя в себе природную родовую идентичность. Поэтому материнское отношение Якоба Баха к детям не выглядит противоестественным. Деев, ведя себя как мужчина, также по отношению к детям выполняет функцию не только отца-добытчика, но и любящей матери. При этом он остается мужчиной, мечтая, когда «наступит коммунизм», жениться на персиянке, чтобы дать ей свободу, чтобы она забыла «навсегда про свое феодальное прошлое». В нем есть мужское стремление, по ехидному замечанию Белой, «быть героем – освободителем и спасителем». Зулейха, выполняющая традиционно мужскую роль охотника, тоже не становится мужеподобной или бесполой, оставаясь прежде всего матерью. Только комиссар Белая заглушает в себе материнскую и женскую любовь, хотя и в ней природный инстинкт просыпается.

Таким образом, герои романа Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд», переживая в экстремальных условиях гендерную эволюцию и гендерную перверсию, сохраняют психологическую основу личности. Трагические события могут переориентировать ее самоидентификацию, «сбивая» традиционный вектор, но не уничтожают ее окончательно. Гендерный стереотип поведения на интуитивном уровне проявляется уже у детей, которым, проявляя мужскую заботу, женскую нежность и любовь, помогают все персонажи: и мужчины, и женщины, и члены банды Яблочника, и басмачи. Авторская интенция в этом плане обусловлена твердой верой в возможность сохранения глубинной, природной «маскулинной» или «феминной» структуры личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев, А.С.** Гендерный аспект изучения литературы / А.С. Афанасьев. – Москва: Флинта, 2017. – 96 с.
- Бахтин, М.М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1990. – 541 с.
- Гречушникова, Т.В.** «Женский язык»: бесперспективная утопия или путь к гармонии / Т.В. Гречушникова. – URL: <http://university.nversu.ru/person.cgi?personid=564> (дата обращения: 14.09.2022).
- Нартова Н.** В тени тела. Сборник статей и эссе / Н. Нартова, Е. Омельченко. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. университета, – 2008. – 208 с.
- Клецина, И.С.** Теоретические основания психологии гендерных отношений / И.С. Клецина // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А.И. Герцена. – 2003. – С. 154–167.
- Клецина, И.С.** Психология гендерных отношений / И.С. Клецина. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 40 с.
- Опарина, А.В.** Вопросы гендерологии. Мужественное и женственное как культурные концепты гендерной лингвистики / А.В. Опарина // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. – 2011. – №7. – С. 27–34.
- Омельченко, Е.Л.** Культурная география мужских тел: современный путеводитель / Е.Л. Омельченко // В тени тела. Сборник статей и эссе. Под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. – Ульяновск, 2008. – С. 17–45.
- Рябов, О.В.** Женщина и женственность в философии серебряного века / О.В. Рябов. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1997. – 159 с.
- Эриксон, Э.** Идентичность: Юность и кризис / Пер. с англ./общая ред. и предисл. Толстых А.В. / Э Эриксон. – Москва: изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
- Яхина, Г.Ш.** Зулехха открывает глаза / Г.Ш. Яхина. – Москва: Изд. «АСТ», 2015. – 224с.
- Яхина, Г.Ш.** Дети мои / Г.Ш. Яхина. – Москва: Изд. «АСТ», 2018. – 493 с.

Яхина, Г.Ш. Эшелон на Самарканд / Г.Ш. Яхина. – Москва: Изд. «АСТ», 2021. – 237с.

REFERENCES

Afnas'ev, A.S. Gendernyj aspekt izucheniya literatury / A.S. Afnas'ev. – Moskva: Flinta, 2017. – 96 s.

Bahtin, M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa / M.M. Bahtin. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 541 s.

Grechushnikova, T.V. «Zhenskij yazyk»: besperspektivnaya utopiya ili put' k garmonii / T.V. Grechushnikova. – URL: <http://university.nversu.ru/person.cgi?personid=564> (data obrashcheniya: 14.09.2022).

Nartova N. V teni tela. Sbornik statej i esse / N. Nartova, E. Omel'chenko. – Ul'yanovsk: Izd-vo Ul'yanovskogo gos. universiteta, – 2008. – 208 s.

Klecina, I.S. Teoreticheskie osnovaniya psihologii gendernyh odnoshenij / I.S. Klecina // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta im. A.I. Gercena. – 2003. – S. 154–167.

Klecina, I.S. Psihologiya gendernyh odnoshenij / I.S. Klecina. – Sankt-Peterburg: RGPU im. A. I. Gercena, 2005. – 40 s.

Oparina, A.V. Voprosy genderologii. Muzhestvennoe i zhenstvennoe kak kul'turnye koncepty gendernoj lingvistiki / A.V. Oparina // Vestnik Volzhskogo un-ta im. V.N. Tatishcheva. – 2011. – №7. – S. 27–34.

Omel'chenko, E.L. Kul'turnaya geografiya muzhskih tel: sovremennij putevoditel' / E.L. Omel'chenko // V teni tela. Sbornik statej i esse. Pod red. N. Nartovoj, E. Omel'chenko. – Ul'yanovsk, 2008. – S. 17–45.

Ryabov, O.V. Zhenshchina i zhenstvennost' v filosofii serebryanogo veka / O.V. Ryabov. – Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t., 1997. – 159 s.

Erikson, E. Identichnost': Yunost' i krizis / Per. s angl. /obshchaya red. i predisl. Tolstyh A.V. / E Erikson. – Moskva: Izd. gruppy «Progress», 1996. – 344 s.

Yahina, G. Sh. Zulejha otkryvaet glaza / G.Sh. Yahina. – Moskva: Izd. «АСТ», 2015. – 224s.

Yahina, G. Sh. Deti moi / G.Sh. Yahina. – Moskva: Izd. «АСТ», 2018. – 493 s.

Yahina, G.Sh. Eshelon na Samarкand / G.Sh. Yahina. – Moskva: Izd. «АСТ», 2021. – 237s.